

Дисклеймер: Все изложенные события вряд ли имели место быть. Рассказ по возможности приближен к данным о Миноской цивилизации, но кое-где допущены огрехи. Часть из них — намеренные. Все места, упомянутые тут — реальные.

Дворцы. Вся мощь Миноса воплощена в них. И вся суть. Массивные. Незащищённые крепостными стенами, но неуязвимые. Полные тайных знаний, дарующих удовольствие, власть и просто жизнь. Риату, глава царского архива, считает, что наши грубоватые предки изначально строили их запутанные коридоры, стремясь к потаённым уединению и совершенству. Так это или нет, признаться, не знаю.

Я не любил запутанности коридоров Кносского дворца, самого большого из построенных сынами Миноса. Но сейчас она играла мне на руку. Она, а не боги и богини ночи инородцев и не Осьминог, которому поклоняются те, на кого я сейчас охочусь. Я — глаза и уши Акаллы, Высшей Жрицы Богини-Змеи Кносского дворца, третьего лица во всём дворце. Ну, и моего храма — Бога-Отца тоже.

Сейчас неосвещённость его тёмных коридоров играла мне на руку. Мне и двенадцати сынам Миноса, притаившимся левее. Костис и одиннадцать опытных ветеранов войны на Островах. Все вооружены, подготовлены и очень рассержены. И глупые культисты, начавшие свои отвратительные ритуалы строго по восходу луны, их только раззадоривали.

Это был уже третий ковен за последние два месяца. С того момента, как меня одарили дубинкой в глухом уголке Дворца, дела пошли плохо. Приверженники Осьминога уже убили четырёх жрецов (в издревле безопасном Кноссе!), что породило слухи и даже попытались совершить покушение на Акаллу. Разумеется, неудачное. Но месть последовала быстро. Излишне быстро.

Каждый раз умирали все осьминогопоклонники. Все до последнего. Убивались при задержании или в камере. Ни одного следа они не выдали, да и не успели. Именно поэтому я попросил Костиса, палача левую руку и, временами — любовника Жрицы отобрать лишь самых опытных и самых хладнокровных. Достаточно будет поймать самого распоследнего идиота, и мы возьмём след.

Костис выждал, пока снизу раздадутся полные сладкого отчаяния крики и подал хриплый гортанный сигнал к атаке. Часовые — два глупых юнца с раскрашенными сажёй лицами — даже не успели закричать. Их смяли и попытались оглушить. «Попытались» — потому что я, прерывая крик первого, разрубил ему горло мечом, а второго оглушили очень неудачно, проломив ему череп рукоятью тяжелого штурмового меча.

— Ну что же вы, — разачарованно прошептал я.

— Вы тоже отлично сработали, — издевательски шепнул один из воинов.

— Спускаемся тихо, — приказал Костис, начиная спускаться по лестнице вниз. — Пусть неверные нас не заметят. Да хранит нас Богиня.

Воины кивнули. Некоторые из них верили в Бога-Отца, а один не верил ни во что. До поры до времени.

Лестница была узкой и неосвещаемой. Неудивительно — по замыслу строителей, этой пещеры вообще не должно было быть. Культисты расширили её и стали использовать.

Впрочем, иного храма Осьминогу, первому сыну богов, проклятому сыну, и не нужно было. К

счастью, выход окутывала та же тьма, что и вход. Правда, в самом зале, начинавшемся чуть дальше, было куда светлее.

Зал был отделан куда богаче, чем предыдущие два, разгромленные ранее. Стены были покрыты грубоватыми фресками, в нишах стояли бронзовые курильницы и статуэтки. В глубине помещения, освещённого лишь лампадками и факелами (световые колодцы/распространённый в минойской архитектуре элемент, доставляющий свет на нижние этажи/) располагался алтарь.

Внутри творился ад даже по меркам довольно развратного храма Богини-Матери. Плотная дымка от факелов и курильниц заполнял и скрывал всё, так что в первую очередь мы услышали голос. Неприятный — с хрипотцой и злобой, но властный и мощный.

— Смерть лживому сыну!

— Смееееерть! — подхватило добрые три десятка голосов. Неприятно. Слегка недооценили их.

— Как их злые боги пьют нашу кровь, так и пьём их! — он вскинул чашу вверх. Некоторые последовали его примеру и тут я оценил масштаб. По сравнению с теми же полуночными ритуалами храма Разайи, конечно же, это был небольшой пир. Но по сравнению с обычными пирами...

Жрец развернулся, пронося братину мимо прихожан. Точнее — тех из них, что не были заняты другими прихожанами. Он спокойно перешагнул через распластавшуюся на сырой земле кидонку, нещадно сношаемую каким-то длинноволосым минойцем, судя по плащу — из писцов или дворцовых торговцев. Девушка стонала и царапала землю, её разреже/партнёр по сексу/ даже не обращал на неё внимания.

По бокам от него шествовали две пеласги, каждую из которых покрывал лишь плащ. Они уже явно принимали участие в оргии — внутреннюю сторону их бёдер покрывала блестящая плёнка сока, а ещё не до конца сформировавшиеся груди — мазки земли. Жрец равнодушно оглядел распластанную минойку и поднёс братину к паре. Одна из его помощниц черпнула кубок вина и медленно опорожнила в рот едва не подавившейся девушки.

Другие были тоже хороши. Незнакомая черноокая подражательница Акаллы — её сношали сразу двое — с длинными ногами, полновесной грудью и курносый носиком орала так, что, наверное, именно её мы слышали, убивая охранников. Впрочем, девушка рядом не отставала, хотя рот был занят членом партнёра, перед которым стояла на коленях а рукой помогала ещё одному. Сзади её удовлетворяла молодая девушка вроде тех двух, сопровождавших главного жреца.

— Ждём... — шептал Костис — Не шевеливаемся, гады островные!... — гады островные вмешиваться и не думали, всю глядя на происходящее. Хорошо хоть рты не разинули.

Тем временем остальные не теряли времени даром. Примечательно, что девушек было намного больше, чем мужчин. Совпадение? Не знаю, не знаю. Впрочем, использовать позиции «много парней и девушка» это им не мешало, даже наоборот — пока нескольких девушек сношали по три, а то и четыре сына Миноса (по одному на каждую дырочку), его дочери развлекались сами.

Две девичьи пары в разных углах зала занимались тем видом совокупления, что я не видел, а лишь слышал: они расположились напротив друг дружки, развели ноги и начали тереться промежностями. Сверху их поливала маслом... нет, не рабыня, девушка в том же пурпурном плаще, что и виночерпальницы. Я присмотрелся к другим обладательницам похожих плащей.

Вот две пары девушек на скамье у стены. Первая вполне обычная. Кидонка с русыми вьющимися волосами, ниспадающими на плечи, сидит на скамье. Роскошное тело — крупная грудь, плоский живот, острые маленькие соски... Меж её ног орудует стоящая на четвереньках подружка с телом чуть полнее, чем идеал, но несомненно, хорошим, одна её попка, круглая и большая, как крупный орех, но гладкая чего только стоит... Внизу, под ней лежит девушка с костяным членом. В пурпурном плаще.

Вторая оригинальничает. Минойка, чуть стройнее, чем нужно, в жреческом уборе, но с идеальными ножками, раздвинутыми сейчас. Её левую ногу вытирает своим ночным мхом промежности другая девушка, со спины очень отлично выглядящая и кричащая не хуже остальных. На второй сидит девушка в пурпурном плаще. Лениво покачиваясь, она льёт на двух разеже масло из кубка на вторую и орудует пальчиком в пещерке первой.

Только сейчас я обратил внимание, что около трети всех девушек — именно в пурпурных плащах. Они не стремились удовлетворить свою похоть в отличии от других, они именно обслуживали других. Вот одна разносит вино. Вот другая язычком ласкает анус активно проникающего в партнёршу мужчины с грубыми руками и бородой — варвара-вольноотпущенника или ремесленника

Вот другая активно отсасывает у сидящего на скамье, пьющего вино чиновника (хорошо видно перстень — печать), лениво обсуждающего что-то с соседом, на стволе которого скачет покрытая маслянистой плёнкой культистка с мокрыми тёмными волосами. Вообще, все «пурпурные» имённо обслуживали и именно это, а не их пурпурные плащи, меня удивляло — обычно в оргиях все равны.

/Главный герой не особо удивляется пурпурным плащам не только из-за удивительности происходящего. Пурпур на Крите был довольно дешев: издревле этот остров был одним из главных его поставщиков/ В какой-то момент все приостановились. Мы замерли, ожидая нападения, но только охнули от удивления. Из дальнего угла вышла минойка в расцвете лет и необычными, рыжими волосами. Её лицо и покрывали странные чёрные узоры, а когда она сбросила платье, то нашему виду предстали и узоры на теле. Она величественно шла мимо замедлившихся культистов, неся на плечах удава.

Некоторые мужчины бросили своих разеже, подхватили Рыжую на руки и усадили в кресло, обильно смазывая тело благовониями и маслом. Затем они принялись её ублажать — языки скользили по всему телу: бёдрам, промежности, груди, руки не отставали. Однако, её высокомерный взгляд оставался неподвижным, хоть культисты и пытались углядеть в нём хоть доли возбуждения.

Переполох, вызванный появлением Рыжей, быстро сошёл на нет. Вздохи продолжились, а кто-то, судя по резким прерывистым стонам, уже кончал. Так, две сидящие рядом девушки жмурились и почти что визжали, массируя промежности друг дружки. Вскоре одна выдернула свою руку и повалилась на спину, вторая немедленно продолжила ласки и себя, и партнёрши, и вскоре я увидел, как по её бёдрам потёк нектар.

— Костис! — прошептал кто-то из бойцов — Я понимаю, это всё необычно, но когда будем атаковать? — Судя по возбуждённому виду его соратников, долго они в такой засаде не протянут.

— Их много. Обратили внимание на стражников? — он указал на фигуры с копьями и при плащах. Пурпурных, как несложно догадаться.

Воины кивнули. Надо же, я стражников даже не видел. Зато разглядел всех

«виночерпальниц», мда.

— Надо их устранить, не поднимая панику. Нам нужны пленники, помните?

— Костис! Давай подождём момента, когда рыжая жрица будет готова. Судя по всему, она играет особую роль в ритуале.

Палач взглянул на кресло и медленно кивнул:

— Ждём...

А рыжая жрица подходила к окончанию. Она ещё лишь стонала и закатывала глаза, но от прежнего высокомерия в глазах не осталось и следа. Под её очаровательным тылом на кресле натекла лужа, она сама была покрыта маслом и поцелуями культисты проникли языком и пальцами в каждый из уголков её потаённых дырочек. Орудовать членами они отчего-то не решались.

Удав лениво полз по Рыжей, не обращая внимания ни на неё, ни на её почитателей. Ручной он, что ли? А почитателей становилось всё больше. Они оставляли своих партнёрш на милость друг дружки и шли к ней. «Пурпурные» девушки, как правило, сопровождали их. Кто-то массировал стволы ручками, кто-то заглатывал головку, а кто-то вообще массировал всю промежность мужчины.

Девушки тоже шли к окончанию. Одна, стоявшая на четвереньках прямо перед нами, не видела нас, так как даже не открывала глаза. Её колечко ануса обрабатывала длинным языком улыбающаяся глазами партнёрша в шапочке храма Богини-со-змеями. Интересно, как на это отреагирует Акалла... Рядо происходило нечто подобное — мокрые девушки начали со сладострастными стонами кончать, так что другие звуки не были слышны.

— Приготовиться — процедил Костис.

Тем временем мужчины начали изливать своё семя. Но не на прислуживающих культисток, а на рыжую. Вот девушка в пурпурном делает резкое движение рукой и белесая струя ударяет в полную грудь. Вот другая не успевает вынуть ствол изо рта и часть семени остаётся у неё на лице; она торопливо облизывается, глядя, чтоб никто не заметил это.

Но всем не до того. Мужчины заливают рыжую семенем так, что её загорелая кожа теперь блестит не только от масла и благовоний. Сама она теперь уже извивается и у культистов окончательно уходит разум. Они начинают её жестко сношать. В анусе — член, во рту — член, в каждой руке — тоже член, а в пещерке и вовсе два (и по сей день не понимаю, как такое возможно)

Тем временем высший жрец снимает с Рыжей змею и несёт на алтарь. Мужчины кричат, изливая семя на руки Рыжей. Я не слышу её, но уверен — это из-за ствола и восторженного гомона вокруг. Девушки кричат: их лица давно блестят от сока подружек. Восторженно кричат стражники и виночерпальщицы в пурпурных плащах. В какой-то момент образуются пурпурные пары — девушки седлают стражников.

— Рано... — шептал Костис — Надо ударить так, чтобы наверняка...

А высший жрец положил змею, измазанную в масле и человеческих секретах, на белый камень алтаря. Бедный удав, что сегодня ему довелось пережить... Мужчина что-то проговорил, но никто не ответил — слишком все отдались своей похоти. Он рассердился и закричав на незнакомом языке, схватил нож и направился к змее. Мы среагировали мгновенно.

Костис издал протяжный горловой крик. Мы ворвались в зал. Стражники пали первыми — кому-то всадили меч в живот, а кому-то в горло. Девушек мы оглушали, но не все готовы

были даваться просто так. Я получил по голове палкой и ткнул куда-то в комок тел. Костис слева активно прорубался к жрецу, но тот успел распороть себе живот. Воин слева получил кубком по брови, его глаза залила кровь.

Вскоре дело перешло в очень близкую рукопашную. Весельчак, подкалывавший на входе, скрылся под телами культистов — в его животе застряло копьё стражника. По залу бегал культист с раной в промежности, коропя вс ругательствами и кровью. Я с Костисом отрезал отступников от выхода, ещё двое — от каморки. Оглушенные вскакивали и вгрызались, а затем падали под мечами.

Рыжая в полном беспамятстве полулежала на кресле. Её охранял Гестис, и не зря — её сразу же попытались убить свои же почитатели. Погибла кидонка с идеальными ногами, под моим мечом, Костис зарубил её визжащую партнёршу с кривым кинжалом. Вскоре звон и крики смолкли. На ногах стояло около десятка сынов Миноса. Истинных сынов. Все раненые, но понимавшие, что могло закончиться и хуже.

— Достать раненых! — начал раздавать приказы Костис. — Тородо, осмотри зал, все предмет культа собери сразу! Гестис, займись оглушенными! Не забудь связать рыжую, она — наиболее ценный трофей!

Залитый кровью, вином, соками людей пол. Таоке снится только в кошмарах.

Я снёс всё: статуэтки, листья пальм с тайными текстами — в опустевший ритуальный котёл. Закрыв сверху холстом и начал осматривать каморку за залом. Стол с оковами, горшочки с травами и настоями. Везде изображения Осьминога: сброшенного с небес, следящего за людьми и участвовавший в их оргиях. Клеймо везде одинаковое — то же, что и раньше. Я аккуратно отнёс находки к первым.

Весь зал уже наполнила стража. Риату в боевом панцире (ого!) осматривал свитки и находки. /Предполагается, что минойцы имели свитки из листьев пальмы, но они не сохранились. /
— Тородо. — увидел он меня — С успехом, мальчик.

Я усмехнулся. Я жил двадцать первый солнечный круг, а оставался для него тем же непокорным юнцом.

— Ты захватил столько трофеев... — задумчиво произнёс он. — наши знания по культу Осьминога возрастут благодаря ним в разы... Молодец.

— Спасибо Костису и ветеранам.

— Они тоже хороши, но если бы ты не предложил выждать, пятерыми, отправленными на отчёт к твоей начальнице — Богиней, дело бы не ограничилось.

Я медленно сел на скамью, где ещё полчаса назад резвились девушки, убитые в том числе мной. Хотелось вина, но я терпел. его было много вокруг, но оно было всё отравлено порчей Осьминога. А вполне возможно — и различными ядами.

— Главного мы не взяли — я кивнул на коченеющего главного жреца ковена.

— Это не главное. Вы взяли семерых пленных и даже не сожгли зал — он улыбнулся, вспоминая взятие первого ковена, когда мы едва не сожгли секцию Северного крыла. — Я расскажу Акалле, как ты отличился.

— Спасибо.

— Это не освобождает тебя от отчёта перед высшим Жрецом — прохладно ответил Риату. — Пошли, — кивнул он на посвящённых, несущих котёл — проверим, как эти остолопы донесут нашу ценность...

— Нашу?

— Ты думаешь, мы оставим Храму Змеи столь ценные артефакты после того, как нашли в ковене это? — он брезгливо пнул сандалией окровавленное тело убитой жрицы Богини. Я медленно кивнул. Дружба между храмами начинает превращаться в полные недоверия отношения. ***

— Говоришь, змея... — медленно проговорил Карфаро.

Я последний раз был в Светлых покоях почти два месяца назад. Тогда то посещение почти закончилось моей смертью. Сегодня Карфаро охраняло в два раза больше стражников — покушение на Акаллу дало о себе знать. Однако, кроме Карфаро и Риату, присутствовала молодая неофитка. Она активно участвовала в любимой шутке старого жреца, отсасывая тому во время приёма докладчика. Насколько знал, она не была против.

— Да. — Я смиренно молчал, глядя на фрески за спиной Риату. Верховный жрец был сильно не в духе.

— Твоя... Высшая Жрица недовольна решение Риату перенести сюда все находки. Я думаю, какой вариант ответа отправить с ней — он кивнул на неофитку — отказ, или грубый отказ.

— Но ваша светлость...

— Не перебивай! — поднял голос старый жрец. Стража вздрогнула. — Тородо, эти идиотки допустили утечку знаний о культе во время памятной тебе службы, более того, их жрицы входили в ковен! Ты понимаешь, что это может значить?

— Что в Храме завелась паршивая овца.

— Или две паршивых овцы. Или целое стадо с бараном во главе!

Я молчал. По законам я был служителем Бога-Отца, но обязан был соблюдать интересы храма Богини-Матери. Неприятная ситуация. И я должен был из неё выкрутиться, иначе не видать мне жизни в Кноссе, как своей спины. И я выкручусь, других вариантов нет.

— Мой господин!

— Да, — отмахнулся Карфаро — говори.

— Храмы преследуют одну и ту же цель. Осмелюсь заметить, что рыжая пленница отправилась в темницы храма Богини. Если мы хотим получить результаты, то стоит отправить находки им как акт нашей доброй воли. Разумеется, после соответствующих изысканий.

— Поддерживаю Тородо. Я изучил его доклад. Рыжая жрица многое могла бы прояснить. Если, конечно, она ещё жива.

— Они наверняка охраняют её, — заметил жрец

— Прошлых пленников тоже охраняли, что не помешало им умереть, — возразил Риату.

— Ты прав... Килири, отправься к Жрице с извинениями и наилучшими пожеланиями. Не забудь уведомить её про наши намерения передать им находки и намекни на взаимность.

— Я поняла, мастер. — прошептала Килири и исчезла в политроне.

— Кикладка? — осведомился Риату, провожая взглядом стройную девушку. Открытый вырез минойского платья не подходил её скромной груди.

— Да. Дочь жреца и рабыни. — тяжело ответил Карфаро. Я промолчал.

— Отправься следом, сын мой — мягко продолжил Риату. — Выясни, что думают в Храме о ковене и предотврати убийство Рыжей. Она нам ещё нужна.

Я кивнул, отсалютовал ему и Жрицу и вышел.

Акаро сработал отлично. Прекрасно помня, что произошло с предыдущими пленниками, он предпринял особые меры охраны. Камеры были закрыты сверху деревянным настилом, а

пленники — перемешаны. Кроме того, удалось предотвратить пару отравлений — нескольких пленников-разбойников были объявлены «новыми особо опасными» преступниками. Утром их отравили, пара неофитов присоединилась к допрашиваемым.

— Как ты, Акаро? — спросил я, поприветствовав гиганта.

— Весело с ними. Куда веселее, чем с ремесленниками, пытавшимися пролезть на полуночные «обряды очищения».

Мы хохотнули. Обменялись парой бак, как вдруг начальник стражи поведал историю, которая определенно перекрывала остальные по абсурдности и веселью. Виной всему был идиот — охранник из новеньких и определённая глупость Акаро.

Маскировка сыграла злую шутку. Охранник, будучи неудовлетворённым с прошлого ритуала очищения, сорвался, увидев «храмовую воришку», обладавшую не идеальным, но хорошим телом. Одинокую и доступную. Зарывав (как мне кажется), он спустился в яму к девушке. Культистка и не подумала вначале сопротивляться. А стражник был обучен манерам.

Он бесцеремонно разорвал длинную юбку и начал гладить полные бёдра культистки. Пустил два пальца в пещерку девушки. Похабно пошутил, ощутив влагу. Слегка подвигав пальцами, решил — хватит воришке, поставил её к стенке ямы, приподнял юбку, и вошёл внутрь. Возможно, он попутно мям её грудь и попу, не знаю — не видел.

Не повезло охраннику трижды. Первый раз — когда он попал на Ритуал Обновления (внутрихрамовую оргию, проще говоря) лишь охранником. Второй раз — когда начал сношать культистку. А третий — когда решил, что она достаточно смирна для того, чтобы пустить ей свой ствол в глотку. Как он признался позже, сначала было вполне приятно — глотка хорошо расширялась и язык активно работал...

... когда его нашли на дне клетки, он почти истёк кровью. Его оторванный прибор валялся рядом. Культистка была сильно смущена. К счастью, стражники быстро хватились недоумка — удалось и остановить кровь, и пришить оторванное достоинство. Правда, врачеватель не обещал ему нормальную работу. Пленницу же чуть не убили — от быстрой смерти её спас начальник караула.

/Уровень развития древней медицины недооценивают — так, хирурги Египта проводили сложные пластические операции. Автор рискнул оставить этот эпизод, прекрасно осознавая вероятность успешного завершения операции в такие древние времена. /

— Дааа, ну и идиот. — только и смог проговорить я, когда приступ смеха отступил

— Я о том же, — хохотнул Акаро

— Как наказал его?

— Да никак, — отмахнулся он

— Почему? Он нарушил правила...

— И едва не потерял своё достоинство, коим регулярно хвастал. А может, и потерял. Поделом ему, пусть оправится, там посмотрим, что с ним делать.

— Что слышно от Костиса?

Гигант помрачнел.

— Заперся с рыжей. Не знаю, что он с ней делает, но она ещё жива и иногда что-то отвечает.

— Послание получали от Карфаро?

— Что за послание? — Спросил он. Я пояснил — Это правильное дело. Знаешь что я думаю, Тородо? Скоро ты отправишься в другой дворец вычислять этих тварей. Поверь старому полену.

Старое полено было право.

Я отправился в такую глушь, о существовании которой не подозревал ранее. Нет, я знал, что есть такой дворец — Галатарас, но не более того. Я знал, что это — самый малый из дворцов, меньше даже, чем воспитавший меня кидонский Закрос. Знал, что он в дне пути к югу от Кносса. Но — не более того. Признаться, я и не горел желанием узнавать больше. Кносс меня вполне устраивал.

После нескольких дней, прошедших в ожидании результатов деятельности Костиса и аж одного ритуала Обновления (сильно хотелось развеяться после увиденного в ковене), меня вызвали к Жрице, без лишних разговоров представили Акаро (как будто мы не были знакомы), вручили перевязь с храмовым мечом, от которого отказался, и сумку с амулетами и свитками (заполненными данными о культе).

Я не сильно удивился — ждал момента, когда придётся покинуть дворец. И мучился по ночам, ожидая вызова. Так, что даже Кавья забеспокоилась — не подмешали ли мне в вино отраву. Бедная девочка... я попрощался ещё с ней, как будто на смерть отправляюсь. Впрочем, надеюсь, что ещё вернусь. Без моей любви в царстве Богини/подземном мире мёртвых/ будет скучновато.

Действовали мы вдвоём. Два человека, знающие всё. Я шёл открыто, как жрец храма Разайи, а вот Акаро — как простой стражник, сопровождающий меня. Ах, да, я забыл про Ослика. Вот так просто. Этот четвероногий демон нёс то, что было тяжеловато для нас — ценные подарки для верхушки Дворца, два щита, пара наборов дротиков и прочий хлам, так нужный в расследовании.

Мы вышли с рассветом и должны были подойти к хребту Фалисити и расположившемуся у подножия Галатарасу к вечеру, но волею судеб задержались — неожиданно пошёл летний ливень, столь опасный для случайного одинокого путника, задержавшегося в дороге. Мы едва удержали нашего четвероногого носильщика от панического бегства, однако сами были немногим лучше.

К вечеру дождь чуть стих, но молнии били всё чаще; один раз отдельно стоящее дерево загорелось от удара прямо перед нами. Промокшие и озлобленные, мы думали искать укрытия в горах, где могли располагаться пещеры, но нам повезло. Одинокий огонёк маячил чуть в стороне от тракта, подойдя ближе, мы убедились в том, что это не путник и не проказы демонов, а хутор на отшибе. /Хутор, вообще-то — общий термин для отдельно стоящих ферм, на которых, как правило, проживала одна семья/

— Откройте! Мы из Кносса, нам нужен ночлег!

— Кто там? — раздался скрипучий, но от этого не менее сердитый голос

— Два одиноких путника! — прогремел Акаро.

— Одинокие путники не шляются на Паучьей дороге! Пошли прочь!

— Я — жрец Разайи, со мной лишь телохранитель! — попытался перекричать ветер я. Лишь молчание было мне ответом и я добавил: — Мы щедро заплатим!

Раздался скрип затвора. Дверь открылась и в проём высунулось древнее медное копьё. Его держал старик кругов сорока. Рядом стоял молодой парень — сын или племянник, держащий бронзовый кикладский меч с сильно изношенной гравировкой рукояти. Трофеей, что ли? Старик выглядел, как рубака в отставке — выправка, шрамы. Их лица были напряжены, но не сильно. Оружие начало опускаться.

— Про осла вы не говорили.

— Подумали, он проявит себя сам. — Этот демон проявил, начав истошно выть. Хозяин поморщился.

— Обычай требует, чтобы вы вошли, хотя в такую ночь это небезопасно для нашей семьи.

— Бойтесь незнакомцев? — спросил я, протягивая храмовую печать старику — Или духов природы? — тот передал её младшему.

— Нет... — медленно ответил ветеран, получив кивок сына — старая традиция не любит лишних людей.

Я посмотрел на стражника. Акаро было плевать на старые традиции в то время, как на улице хлестал дождь. Он пожал плечами, едва не снеся ими косяк, отдал осла накинущему грубый суконный плащ юноше и решительно вошёл внутрь. С нас вода не капала, а лилась — вся одежда промокла до нитки. Хозяин бросил на нас быстрый взгляд и вздохнул:

— Мокрая одежда вредит телесному здоровью. — он развернулся и махнул рукой, приглашая нас внутрь дома — Ваше счастье, что наша семья издревле живёт у горячего источника.

Постепенно вокруг него возникла своя традиция ритуала Обновления...

« — Только не это! » — мысленно завопил я.

— ... правда, вам придётся в ней поучаствовать, не обессудьте. Впрочем, всё очень просто, вы не запутаетесь. — он вёл нас по коридору в зал, по размерам — больше трёх наших с Кавьей каморок.

— А как относится Храм к подобным нарушениям святых обрядов? — спросил Акаро, нахмутив брови. Когда он хочет, то может убедить в своём дуболомстве всех.

— Он далеко. До Галатараса столько же, сколько — до ближайшей фермы. Впрочем, пару раз у нас бывали жрецы и жрицы и они некоторые изменения обряда одобрили.

Мы сели за стол, подобный тем, что стоят в храме Богини. Нам прислуживала обнажённая по пояс хорошенькая минойка, отличающаяся ухоженной и загорелой кожей (нечасто такую встретишь даже у жителей дворцов), и ещё — глазами-миндалинами, подведёнными безумно дорогой тёмно-зелёной краской. Руки — не обветрены и не покрыты шрамами. Я слегка напрягся.

— Это наша гостья. Волей случая она прислуживает нам сегодня, как требует традиция. Вы с ней ещё пообщаетесь сегодня.

— А чего ещё требует традиция?

— Чтобы вы слегка перекусили и отправились в купальни.

— Купальни? — я удивился.

Купальни — сложная вещь. Признак достатка даже там, где горячие воды — не редкость, а нечто обычное, само собой разумеющееся. Впрочем, эта ферма на отшибе и так полна необычностей — трехэтажный доминирующий над окрестностью особняк — крепость (от кого нужно строить такую мощь? Пиратов? Не смешит), несколько купален, роскошь вроде упомянутого стола и грубоватой фрески на одной из стен зала.

— Да. Одна для семейных нужд, другая — для нужд гостей, третья — всего три круга назад построили — для гостей. Тогда же, когда и заказали эту фреску — он указал на рельефное изображение на стене, изображающее трёх девушек — копия популярной фрески из Кносса, слегка изменённая неизвестным автором. Теперь объёмность форм стала осязаемой не только в высоком смысле, но и в прямом.

— Какую вы предоставите нам? — вежливо осведомился Акаро. Хозяин недовольно

покосился на него:

— Тородо, вы много позволяете вашему охраннику.

— Он несколько раз спасал мне жизнь. — тут я не соврал — мы с ним практически братья.

— На Островах?

— Да. — соврал я.

— Где?

— Серифос, пять лет назад. — Пять лет назад я вовсю учил законы природы в дворце Закросе на восточной оконечности Крита. Но Акаро и мой покойный брат были там — Дальний поход. Хозяин хмыкнул:

— В мои времена так далеко не забирались... эти места считались проклятыми.

Как я и думал, он был ветераном — моряком. На склоне лет он всё ещё мечтал увидеть вечернее небо над одиноким морем, прекрасные и гибельные Киклады и прекрасных, похожих на миниатюрные терракотовые статуэтки кикладок (одна из его пленниц стала женой). Впрочем, помнил он и неприятные стороны моря и ругался, как истинный моряк, вспоминая все свои похождения.

— Что ж, прошу в купальни, — опомнился он, когда мы, впрочем, слегка подсохли.

— Купальни?

— Да, сын мой, — обратился он к моей «страже» — ты отправишься в купальню для гостей, а жрец — в семейную.

« — Попал я.»

Купальни стояли в рядок у подножия холма и соединялись с домом крытым переходом. Круглые, скрытые под навесом и за тонкими стенками круглые бассейны. «Семейная» была самой древней — стены явно переключивали несколько раз, но водорослей и прочей нечисти не водилось — слишком хорошая, хоть и простая, как дыра в потолке, вентиляция, да и вода была всегда проточной.

Я сидел в горячей воде и не желал большего. Но Амейя, наблюдавший за мной, явно решил повеселиться и послал мне — знак ли, не знак, очередную красочную фреску на стене жизни. Горячая вода плохо действовала на мою бдительность — я почти уснул. Очнулся я от звуков шагов босых ног. Я медленно приоткрыл глаза и увидел ту самую минойку, прислуживавшую нам в доме. Она была полностью обнажена, а тело её не уступало телу Акаллы и даже превосходило — всё-таки Акалла была куда старше её. Коричневые маленькие соски прекрасно подходили её загорелому телу.

— Я Базаларо, дочь Базоло из семьи ювелиров Фаистоса. Сегодня я раба хозяина этого особняка и прислана для того, чтобы подготовить тебя к ритуалу Обновления.

Она неспешно спустилась в купальню с того места, где стояла. Я видел гусиную дрожь её кожи и гладкий лобок, дрожащие веки. Она — меня и мой почти подготовленный инструмент. Впрочем, она знала своё ремесло. Я приподнялся на бортик, чтобы она не замочила зелёные веки. Базаларо в благодарность принялась обрабатывать ствол и рукой, и языком.

Я чувствовал, какой её язык шершавый — на чувствительной головке, сильный — когда она вылизывала ствол, и ловкий — когда она пускала его туда, куда лишь малая часть девушек может достать языком. Вообще, она сосала не хуже той же Акареу — явно сказался опыт жизни в высших дворах. Но моя сегодняшняя рабыня делала это гораздо качественнее. И

смотрела во время процесса прямо в глаза, обжигая меня зеленым огнём.

Я пришёл в полную готовность, но этого было мало. Я её выдернул из воды, оцупал тело, оценив его упругость и успев погладить внутреннюю сторону бёдер. Получил очень хороший и страстный, хоть и лишённый тепла поцелуй. А затем без лишних разговоров и просьб приставил её к стенке купальни, поставил одну её ножку наверх, а сам спустился вниз.

Эта попка была идеальна, но я не стал уподобляться немногим жрецам мужчинам храма Богини-со-Змеями и не её вылизывать. Просто слегка поласкал пещерку пальцами, оценив её мягкость (отлично) и ширину (я явно не из первых побывавших) и резко вставил. Она лишь открыла рот, не стонала, но я не хотел удивляться и просто продолжал. Хотелось закончить со всем этим, даже несмотря на привлекательность девушки.

Потом я присунул ей член меж крупных грудей. Без масла удовольствие оказалось снижено, но и его хватало — спасибо упругим грудям и длинному языку. Вскоре я уже подходил к концу. Кончить на грудь дворцовой львице — отличное окончание дня, но она так не думала и сильно сжала основание члена как раз в тот момент, когда я приготовился спустить своё семя.

— Что ты творишь? — Ощущения, мягко говоря, не из приятных, как бы не говорили сплетники. Удовольствие, которое вбивается обратно, внутрь тела. Чувство незавершённости.

— Готовлю к ритуалу.

— Чего?!

— Твой член стоит, а семя — внутри. Скоро полночь, готовься духовно.

— Объясни по-минойски.

Она лишь загадочно улыбнулась, поцеловала меня в лоб, вытерлась шерстяным полотенцем и потянула за собой в соседнюю, «ритуальную» купальню. Я вытерся, обмотал его вокруг пояса и пошёл следом. У меня настроение падало, но не окончательно — не утопят же меня в лучшей купальне фермы? Да любые и боги такого не прощают, ой не прощают...

Купальня была хороша во всех отношениях. Помещение было заполнено паром и горящие факелы оставались для меня загадкой. Стены были расписаны «морскими» фресками хорошего качества. Бассейн — большой, с глубокой и мелкой частью. Девушки на полу — красивы, обнажены и не обращали на меня внимания. По крайней мере, сейчас, но я надеялся на то, что останусь незамеченным.

Ко мне очаровательным тылом расположилась уже взрослая девушка с типично кикладской курносостью и миниатюрностью. Она стояла на четвереньках перед другой полукикладкой (неужели сестра?), которая отличалась миниатюрностью, увы, всех форм. «Сестрёнка» не отличалась, в отличие от мой партнёрши, молчаливостью и, прерываясь, стонала.

У дальней стены девушка, от которой мне были видны только несколько полноватые бёдра, обрабатывалась премилой блондинкой — кидонкой, надёленной стройной и подтянутой фигуркой, с короткой причёской и рукой в своей промежности. Впрочем, своим язычком она явно действовала активно — из-под третьей её партнёршей, ничем не примечательной минойкой, оседлавшей голову полноватой девушки так, что я видел лишь спину, попку, ноги да кусочек скромного лица, раздавались очень страстные звуки.

— Сёстры мои! — обратилась Базаларо.

Они тотчас оторвались от своих занятий и направились ко мне. Я удивился слаженности — тренировались, что ли? Сзади меня обняла зеленоглазая, руками лаская всё, до чего могла дотянуться. Стволом же завладела кидонка и после минуты колдовства привела его в товарный вид. Минуты — потому что всё же орудовала она хоть и с любовью, но без умения.

Однако вскоре она показала мне, в чём она мастерица. Сначала я поставил её на четвереньки в мелкой части купальни, активно помогая руками. Сама кидонка не могла себе помочь, так как место полнушки (кстати, волосы у неё были иного оттенка, чем у минойцев...), целующейся с миниатюрной полукикладкой заняла зеленоокая Базаларо. Так что моему взору были открыты две соблазнительные фигуры...

Скромная минойка ненадолго осталась одинокой и попыталась привлечь меня, но я лишь перевернул кидонку, вспоминая молодые годы, запрокинул её ноги на плечи и начал входить, но не резко, нет — как можно медленнее, наслаждаясь маской сладостной страсти у неё на лице. Скромная не удовлетворилась этим и утянула восхищённую зеленоокою — ласкаться в близком отдалении.

Недолго я наслаждался отличной физической близостью в окружении пяти девушек. Чуть не сокрушив стену в купальню ввалился начальник храмовой стражи, большой нелюбитель ритуалов Обновления Акаро. Его немаленький инструмент ударил по лбу полнушку (клянусь штормами, она чуть не кончила), чуть не сломав заодно пополам миниатюрную.

Вскоре он был принят в оборот этой парочкой и сопровождавшей его типичной пеласгой со скромной грудью и роскошными бёдрами. И очень недобрыми глазами. Но не она отсасывала ствол, а миниатюрная, да так, что я удивился — как столько может поместиться в ней?... Когда мне стала неинтересна сцена, полнушка уже седлала обессилившего Акаро, а пеласга торжествовала.

Впрочем, чёрт с ней. Я ещё поношал кидонку, посадив её себе на колени и наслаждаясь теплой водой, омывавшей мне ноги и её телом, а затем ссадил с себя и решительно выдернул скромную минойку из чувственных объятий, прижал к стене и резко вошёл в неё. Зеленоокая красотка не помогла нам, а упорхнула куда-то; впрочем, я не был расстроен.

Скромница была непримечательной во всех отношениях. Достаточно приятная, достаточно узкая, достаточно страстная и достаточно смазанная во всех местах маслом и собственными соками. (Специально для) Она стонала, извивалась по стенке как все добропорядочные дочери Разайи и Миноса. И лишь её повергаемая скромность давала мне новое, необычное наслаждение.

Вскоре она сбежала от меня, предоставив дело миниатюрной. Первым делом она, соблазнительно улыбаясь, слизала с моего члена все соки, приговаривая, что кидонка и Базаларо куда вкуснее, но с моим членом, конечно, не сравнится. Она едва не пустила свои шаловливые пальчики куда дальше яичек, но я её остановил — не дворцовый писец. Достаточно и того, что я почти кончил с этой маленькой сучкой.

Когда я упал на пол, то увидел, что зеленоокая и пеласга уединились, лаская друг друга ручками. Впрочем, скоро вид закрыла малышка. Она присела над членом, но вместо того, чтобы ввести его в себя, достала какую-то миску и обильно смазала густым ароматным маслом мой член и свою вторую дырочку. Мой ствол как будто начал охлаждаться, не теряя готовности. Что за колдовство?

Она вводила член медленно. Он сопротивлялся — всё-таки дырочка была очень узкой. Но сначала вошла головка, затем она задвигалась быстрее. Вскоре член скрылся почти наполовину. Мне и этого было достаточно, слишком уж сильно был он обхвачен. Но эта улыбающаяся сучка ещё и двигалась. Медленно, словно издеваясь, но, скорее всего — просто наслаждалась процессом.

Мимоходом я заметил Акаро, жестко овладевающего пеласгой. Всё-таки дорвался. Он не

держался за е стройные длинные ноги, не зачёсывал волосы назад, чтобы поцеловать губы. На грудь даже не бросал взгляд. На Базаларо, отлизывающей партнёрше с приятной глазу долей полноты — да. Жестче, чем пеласгу, наверное, он обрабатывал только особо зарвавшихся пленниц — кикладок с Островов.

Вскоре я уже был готов спустить, о чём и сообщил, готовясь к неприятностям. Однако моя партнёрша лишь с хлопком выпустила ствол (я опять испытал свою стойкость) и потянула к остальным. Пеласга уже отсасывала у Акаро, не очень умело, но активно, а минойка подавала чашу. Рядом стояла другая, наполненная... мужским семенем? Впрочем, я попал в объятия к зеленоокой красавице.

Она улыбнулась, моргнула (кстати, глаза были тоже зелеными), прижала к себе и страстно поцеловала, успев прошептать:

— Достойный муж хорошей любовницы...

— Да, ещё она хорошо делает лепешки.

Впрочем, Базаларо не особо обиделась. Она пустила мой член меж своих грудей, хорошо смазанных маслом, но в этот раз не остановилась, когда я начал дрожать. Вместо этого она взяла ствол в рот, коротко и резко начав высасывать соки. Я сдался почти мгновенно. Она едва успела вытащить его изо рта, прервав первый залп нажатием на основание инструмента а минойка — подставить чашу.

Я отдал ровно столько семени, чтобы до конца наполнить чашу (благо, Акаро, вол, постарался на лаву). И сразу же оказался не нужен. Старшая из сестёр (кидонка успела шепнуть мне об этом) взяла чаши, полненькая — пустую побольше, младшая повела погрузивших кидонку, пеласгу и Базаларо.

Их посадили в рядок и раздвинули ноги. Старшая смешала в большой чаше семя, как вино на пирах и поставила наполненную этим большую чашу между сёстрами и «рабынями». Вскоре они принялись за дело и нам с Акаро окончательно захотелось напиться, предварительно сбежав с фермы. Мы даже были согласны взять с собой четвероногого демона с пожитками.

Нет, ничего особенного не было. Старшая приняла в оборот пеласгу, поставив её на четвереньки. Язычок ласкал колечко ануса, а сильно смазанная рука — в соседней пещерке. Полненькая средняя вставила в Базаларо три пальца, а четвёртым ласкала бугорок страсти. Младшая обрабатывала кидонку непонятно откуда взявшимся терракотовым членом, вставив ещё и пальчик в попку партнёрши.

Нет, мы видели в храме и больший разврат. Но эти девушки вместо обычного масла использовали содержимое чаши. Ритуал Обновления. Не проще было бы сразу внутрь спустить? Этот вопрос задал я тогда, когда последняя из «рабынь» — Базаларо, кончила, заливая пол женским нектаром. Остальные были не хуже — кидонка ещё некоторое время дрожала, судорожно дёргая ногами, а пеласга вовсе висела на старшей из сестёр.

— Они должны были пройти ритуал полностью. — ответила вполне серьёзно младшая.

— Почему?

— Традиция, освящённая годами...

Когда-то давно родоначальник/легендарный основатель рода/, точнее — родоначальница Каларо посвятила себя служению Разайе. Она так бы и осталась бездетной и невинной (тогда это было нормой для жриц), если бы не чудо в грозу у горячего ключа. Она познала всю сладость любви от незнакомца, который исчез в ночи. До конца жизни они с мужем (такая же история с поправкой на пол) не признавали друг в друге тех незнакомца и незнакомку.

С тех пор и шло древнее поверье, что у случайных путниц, оказавшихся в беде на Паучьей Дороге, познавших всю сладость любви от случайных путников, нашедших Ключ рождаются дети, освящённые богами. Так что хозяин фермы не понял моего удивления — мол, вся округа знает об этом, а некоторые семейства специально отправляют дочерей в Галатарас из Кносса или наоборот поближе к грозе, разумеется, приплачивая семье Каларо.

— Ойкумена непостижима. В дне пути от Кносса — такие верования! — восхищался я.

— Угу, и такие распутные девушки.

Мы могли препинаться и дольше, но наконец дошли до Галатарасского дворца. Маленького и невысокого даже если убрать высокомерие кидонца. Впрочем, настроение было отличное — отдохнули на славу, времени почти не потеряли и были готовы вернуться к расследованию. Впрочем, нам пока эти не дали заняться. И не культисты. А обычная дворцовая стража, схватившая нас прямо у ворот Дворца.